

К. С. Данилочкина<https://orcid.org/0000-0002-6961-2764>✉ danilochkina-ks@ranepa.ru

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

БРИТАНИЯ КАК КРАЙ МИРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Аннотация. В течение долгого времени Британия оставалась одной из неизведанных земель античного мира. Ее удаленное островное положение во многом определило как историю развития самого региона, так отношение к нему в литературной традиции. Отсутствие прямых контактов между Британией и Римом привело к тому, что о ней почти ничего не было известно вплоть до походов Цезаря в I в. до н. э. Однако и после этого описания новой провинции во многом соответствовали античным стереотипам, связанным с неизведанным. Одна из основных целей данной работы — проанализировать, как сформировалось представление об острове как о крае мира, в каких ситуациях был использован этот образ и как он должен был влиять на отношение читателей к этим территориям. Кроме того, предпринята попытка проследить, как это восприятие эволюционировало с учетом контактов между островом и материком, а также с расширением границ империи в целом. Особенное внимание уделено тому, как соотносится образ края мира с неизвестностью и как он трансформируется с изменением границ государства, иногда обновляя литературную традицию, а иногда, напротив, сохраняя ее.

Ключевые слова: Римская Британия, античная литература, география Римской империи, образ Британии, край мира, римская провинция

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

Для цитирования: Данилочкина К. С. Британия как край мира в представлениях античных авторов // Шаги/Steps. Т. 10. № 2. 2024. С. 204–216.

Поступило в редакцию 11 января 2024 г.; принято 3 марта 2024 г.

K. S. Danilochkina

<https://orcid.org/0000-0002-6961-2764>

✉ danilochkina-ks@ranepa.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

BRITANNIA AS THE EDGE OF THE WORLD IN CLASSICAL LITERATURE

Abstract. For a long time Britain remained one of the uncharted lands of the ancient world. Its remote location largely determined the history of the development of the region itself as well as the attitudes toward it in the classical literary tradition. The lack of established contacts led to a situation when almost nothing was known about it until Caesar's campaigns in the 1st century BC. However, even after that descriptions of the new province largely corresponded to ancient stereotypes about everything new and unknown. One of the main goals of this paper is to examine and analyze how the perception of the island as the edge of the world was formed, in what situations this image was used, and how it was supposed to influence readers' attitude towards these territories. It is also an attempt to trace how this perception changed with the development of the quantity and quality of contacts between the island and the mainland, as well as with the expansion of the borders of the empire as a whole. Particular attention is paid to how this image relates to the unknown, and how it transforms or changes its boundaries along with changes in the immediate boundaries of the state.

Keywords: Roman Britain, classical literature, geography of the Roman Empire, the image of Britain, the edge of the world, Roman province

To cite this article: Danilochkina, K. S. (2024). *Britannia as the edge of the world in classical literature. Shagi / Steps, 10(2), 204–216.* (In Russian).

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

Received January 11, 2024; accepted March 3, 2024

В течение долгого времени Британия оставалась одним из неизведанных уголков античного мира. Римская республика, а затем империя захватывали все больше территорий в Средиземноморском регионе и за его пределами. Тем самым они стремились расширить сферу влияния Рима на весь известный им мир. Британия не стала исключением и к середине I в. перешла в статус одной из провинций Римской империи. Она вошла в состав государства при императоре Клавдии, причем не полностью, а лишь частично (официально она стала частью империи в 43 г., однако процесс формирования границ провинции занял почти век).

Расширение границ Римской империи в этот период в целом было направлено во все стороны света. Примерно в то же время, что и Британию, к Риму присоединили Мавританию (северная Африка), Норик (близко к современной Австрии и Словении), Ликию (на юго-западе Малой Азии), а также Фракию (на территории Греции)¹, а спустя примерно 20 лет Рим отправился в сторону Понта и Боспора. Но, в отличие от Британии, почти между всеми этими землями и Римом ранее была установлена связь — экономическая, политическая или культурная. Перечисленные территории не были неизвестными благодаря различным событиям и взаимоотношениям, будь то войны с Карфагеном, торговля с Египтом или даже походы Александра Македонского в сторону Индии и завоевание Греции, если рассматривать более ранние периоды. Однако когда речь идет о Британии, тот факт, что это остров, во многом определил как историю развития этого региона, так и то, какое отношение к нему было сформировано в литературной традиции. Отсутствие прямых контактов между Британией и Римом привело к тому, что о Британии почти ничего не было известно. Некоторая связь между островом и материком существовала, поскольку жители острова вели дела с населением Галлии (оставались связи между кельтскими племенами). Такое положение сохранялось вплоть до походов Цезаря, и именно они стали поворотным событием. Начиная с середины I в. до н. э. Британия стала постепенно встраиваться в римский мир. Эти изменения нашли отражение в литературе, правда, в сравнительно небольшом объеме.

Одна из основных целей данной статьи — рассмотреть и проанализировать ту часть сообщений, которая имеется в нашем распоряжении и касается истории острова и его взаимодействия с Римом. Основываясь на контексте, мы постараемся понять, как сформировалось представление об острове как о крае мира, а также как оно изменялось с увеличением количества контактов и расширением границ провинции.

Благодаря текстам Цезаря, который первым из римлян побывал на острове, и более ранней традиции географического описания Британия приобрела во многом понятный и простой образ отдаленной местности, населенной дикими племенами, и это соответствовало распространен-

¹ Все эти провинции, как и Британия, были созданы в первой половине I в.

ным в то время стереотипам. Следует сказать, что отношение к неизвестному как к чему-то дикому не было новым для античной традиции². Это отражалось в виде противопоставления цивилизации и так называемого варварского мира. Причем цивилизованный мир воспринимался как нечто лучшее и более культурное, чем дикий и необразованный мир неизвестного.

Подобная дихотомия ярко видна при рассмотрении быта тех, кто не был римлянином, что можно наблюдать у Цезаря, который описывает самые «дикие» особенности бриттской повседневности с его точки зрения («*Omnes vero se Britanni vitro inficiunt, quod caeruleum efficit colorem <...> uiores habent deni duodenique inter se communes...*» — «Все бритты красятся <...> в синий цвет <...> человек 10 или 12 имеют общих жен», *Caes. BG V.14*³). Такое отношение касалось, разумеется, не только бриттов. Не в последнюю очередь из-за своего удаленного местоположения дикими считались, например, белги («*Horum omnium fortissimi sunt Belgae, propterea quod a cultu atque humanitate provinciae longissime absunt*» — «Из них всех самыми сильными были белги, поскольку были дальше всех от провинции [отличаясь от нее] по образу жизни и культуре», *Caes. BG I.1*) или германцы, не знавшие письменности («*Litterarum secreta viri pariter ac feminae ignorant*» — «Ни мужчины, ни женщины не знали тайны письменности», *Tac. Germ. 19.2*) и жившие без городов, что опять же было присуще варварам («*Nullas Germanorum populis urbes habitari satis notum est*» — «Достаточно известно, что германские народы вовсе не живут в городах», *Tac. Germ. XVI.1*). Подобная схожесть характеристик, свойственных всем народам, считавшимся варварскими, в данном контексте делает Британию хорошей иллюстрацией этому феномену, но не становится единственно важной частью ее образа.

Расположение Британии также было неотъемлемой темой в разговорах о ней. Судить об этом позволяет литературная традиция, поскольку именно так авторы формировали и использовали метафоры и эпитеты, которые, в свою очередь, создавали представление о том, как трансформировалось отношение к региону со стороны Рима. Текстов, где авторы упоминали Британию и ее связь с географией мира, не так много. Тем ценнее уникальные свидетельства, которыми мы располагаем.

Если обратиться к упоминаниям провинции в контексте географических рассуждений, можно увидеть схожие мотивы, которые присутствуют во всех трудах вне зависимости от жанра, автора или направленности текста. Они в первую очередь связаны с неизвестностью, а затем с географическим положением. Первое, как уже было сказано, обусловлено поздним установлением контактов между бриттами и Римом. Второе позволило создать образ края мира. Поэтому последним обитаемым рубежом в северо-западной части света по представлению римлян стала именно Британия.

² Подробнее см.: [Jensen 2018; Hartog 1988; Cohen 2021; Ferris 2003] и др.

³ Здесь и далее перевод автора статьи.

о его неразрывной связи с пределами ойкумены, захват которых, по сути, означал бы подчинение мира целиком.

Это описание, где взятие под контроль Британии завершало бы римское завоевание, не единственное в своем роде. Одна из од Горация, посвященная Августу, свидетельствует о том же. Причем в его тексте упоминаются как самая дальняя западная часть мира, так и восточная:

Caelo tonantem credidimus Iovem
regnare: praesens divus habebitur
Augustus adiectis Britannis
imperio gravibusque Persis.

Мы верили, что гремящий Юпитер
правит на небе; Август, [живущий] среди нас,
будет принадлежать к богам,
если своей властью присоединит бриттов и суровых персов
(Нор. *Carm.* III.5.1–4)

В данном контексте завоевание крайних земель должно считаться условием присоединения императора к сонму богов. И хотя следует отметить, что обожествление Августа нельзя назвать исключительным событием, оно к тому же не казалось невыполнимым. Напротив, вполне вероятно, что в связи с политической ситуацией, завоевание острова рассматривали исключительно как вопрос времени. Это кажется вполне объяснимым, если учитывать, что в качестве даты написания оды обычно указывают 27 г. до н. э.⁷, т. е. как раз то время, когда должно было происходить одно из трех планируемых вторжений Августа на остров. Однако оно, как мы знаем, не стало в ряд славных побед, потому что бритты без борьбы согласились на выдвигаемые Римом условия.

τότε μὲν δὴ ταῦτα ὁ Αὐγουστος ἔπραξε, καὶ ἐξώρμησε μὲν ὡς καὶ ἐς
τὴν Βρεττανίαν στρατεύσων <...> ἐκεῖνοι τε γὰρ ἐλιχηροῦσεσθαὶ οἱ
ἔδοκουν...

Вот что сделал тогда Август, и также он снарядил войско в Британию <...> ведь они, как ему казалось, попросят мира (Dio LIII.22.5).

Таким образом, подобное завоевание ожидалось в ближайшее время, хотя в действительности это произошло позднее и вовсе не при Августе.

Тем не менее Гораций снова, уже в следующем, 26 г. до н. э., пишет:

...serves iturum Caesarem in ultimos
orbis Britannos...

...вот бы ты спас Цезаря, идущего к бриттам, обитающим на краю света... (Нор. I.35, 29–30).

⁷ Более подробно об этом см. комментарий к оде в [Nisbet, Hubbard 1970: xxx–xxx].

Здесь повторяется уже упомянутый мотив отдаленности, причем это описание бриттов, которые оказались *ultimi*. Подобный выбор по отношению к острову эпитета, единственного в тексте, может говорить о том, что Гораций подобрал наиболее подходящую с его точки зрения характеристику места. Не исключено, что употребление этого слова демонстрирует, как римляне воспринимали походы Августа, также самые дальние и последние, т. е. завершающие все возможные завоевания на западе в целом. Сам эпитет кажется уместным при описании земель, которые в этот момент все еще казались далекими (не в последнюю очередь из-за отсутствия налаженной сети контактов), что делает понятным, почему именно его выбрал Гораций. Кроме того, следует отметить, что этот эпитет используется по отношению к Британии и близлежащим территориям не единственный раз; античные авторы в целом довольно часто использовали его для обозначения предельных земель⁸.

Так, примерно в это же время Катулл несколько раз применяет слово *ultimus*. Первый пример из его текстов — один из наиболее красноречивых. Упоминая самые отдаленные места, которые можно назвать краем империи в разных сторонах света, он пишет о «крайних бриттах» (*ultimosque Britannos*, *Cat. Carm.* 11.11–12), с которыми встречался Цезарь. В данном контексте речь шла о том, что в какие бы дальние места ни занесло самого Катуллу, его верные друзья будут с ним вместе (в отличие от его любимой). Таким образом, остров становился метафорой максимально отдаленного места. И в данном случае это позволяет отметить, что к этому времени остров не нуждался в более длинном представлении для создания простой литературной отсылки.

Одновременно тот же эпитет появляется в гневном стихе против Мамурры, в котором поэт прямо говорит о злоупотреблениях властью Цезарем. Британия («*ultima Britannia*» — *Cat. Carm.* 19.4; «*ultima insula*» — *Cat. Carm.* 19.12) в этом произведении оказывается в руках полководца. Особенно важно, что обращение к этому образу иллюстрирует масштабы злоупотреблений: даже Британия, «последняя/крайняя», оказалась во власти алчных политиков.

Среди наиболее известных примеров использования слова *ultimus* следует упомянуть описание античными авторами места, которое затем стало образным выражением для обозначения самого отдаленного острова мира, расположенного как раз где-то около Британии. Речь идет о словосочетании *ultima Thule*, ставшем идиоматическим⁹.

⁸ Фордайс, например, называет этот эпитет шаблонным (*stock*) по отношению к Британии; подробнее об эпитете см.: [Fordyce 1961: 161; Stewart 2000].

⁹ Словосочетание стало метафорой для обозначения некоего отдаленного места, до которого не добраться и за которым нет ничего, кроме края. Этот образ стал настолько распространенным, что его часто можно встретить в массовой культуре, например, именно такое заглавие для своих работ выбирали Брюсов, Набоков и Лонгфелло, его же в качестве названия для альбомов и песен использовали многочисленные музыканты, а в 1980-е *Ultima Thule* стало названием австралийской радиопрограммы. В начале XX в. отсылка к этому образу появилась в

Остров Фула (Thule) в разные времена помещали в северные пределы мира и считали его абсолютным краем мира, а после завоевания Британией Клавдием он мог даже заменять название *Britannia*¹⁰. Он располагался в шести днях пути от Британии, согласно указаниям греческого мореплавателя и географа Пифея, на которого ссылались античные авторы. («quod fieri in insula Thyle Pytheas Massiliensis scribit, sex dierum navigatione in septentrionem a Britannia distante...» — «Пифей из Массилии пишет, что это (белые ночи. — К. Д.), на острове Фула, который расположен в шести днях пути на корабле к северу от Британии», Plin. *N. H.* II.75). В данном пассаже следует обратить внимание на то, что эти места выделялись своей необыкновенной отдаленностью от обитаемых земель, т. е. располагались за дальней Британией, но еще и от нее нужно было потратить несколько дней в пути, чтобы добраться до теперь уже будто бы самого края мира.

Схожий образ встречается и у Страбона, который сообщает, что край мира также расположен именно около Британии:

ἢ πρὸς ἄρκτον πρόκειται τῆς Βρεττανικῆς πλησίον, ἀγρίων τελέως ἀνθρώπων καὶ κακῶς οἰκούντων διὰ ψῦχος, ὥστ' ἐνταῦθα νομίζω τὸ πέρας εἶναι θετέον.

[Иерну], которая расположена севернее Британии, место обитания народов совершенно диких и живущих в тяжелых условиях из-за холодов, на мой взгляд следует считать пределом [мира] (Strabo II.5.8).

Хотя он же ставит существование острова под сомнение в более ранних главах своего произведения, не в последнюю очередь из-за недоверия к сообщению Пифея:

ὁ τε γὰρ ἱστορῶν τὴν Θούλην Πυθέας ἀνὴρ ψευδίστατος ἐξήτασται, καὶ οἱ τὴν Βρεττανικὴν καὶ Ἰέρνην ἰδόντες οὐδὲν περὶ τῆς Θούλης λέγουσιν, ἄλλας νήσους λέγοντες μικρὰς περὶ τὴν Βρεττανικὴν.

Ведь разузнавший о Фуле Пифей считается лгуном, и те, кто видели Британию и Иерну, ничего не говорили о Фуле, но лишь о мелких островах вокруг Британии (Strabo I.4.3).

Такие сомнения, однако, не мешают воспринимать и Фулу, и Британию (а вместе с ними и еще один остров — Иерну) как некие удаленные места, о которых есть смысл сообщить в «Географии». Таким образом, Страбон не отрицает возможность того, что эти острова действительно находились на краю ойкумены, а потому упоминает их именно в этом контексте.

О Фуле пишет даже Вергилий («tibi serviat ultima Thule» — «тебе пусть покорится крайняя Фула» — Verg. *Georg.* I.30). Он вновь отсылает нас к са-

обозначении немецкого расистского националистического движения «Общество Туле» (Thule-Gesellschaft).

¹⁰ Подробнее этот феномен описал еще Вайсман [Wijzman 1998].

мым пределам земли, и вновь в контексте завоевания всего мира. Причем в данном случае произошла подмена названия, и Британия стала Фулой. Это можно утверждать, поскольку речь в начале идет о похвале Августу, который как раз в это время собирался захватить Британию, о чем уже было сказано ранее.

Например, в одном из пассажей «Готской войны»¹¹, повествуя о тех местах, куда дошли слухи о жестоких сражениях, поэт IV в. Клавдиан для указания на неизведанные земли пользуется образом далекой Британии, которая благодаря своему отдаленному положению так и продолжала оставаться метафорой для обозначения предельных земель. Более того, вместе с ней он упоминает и о Фуле, которая представлялась совсем уж крайней, но даже туда добралась Молва о страшной войне (в его повествовании одушевленная):

Famaque nigrantes succincta pavoribus alas
secum cuncta trahens a Gadibus usque Britannum
terruit Oceanum et nostro procul axe remotam
insolito belli tremefecit murmure Thylen?

И не Молва ли, чьи черные крылья опоясаны страхами,
Устрашила, увлекая за собой, все от Гадиса¹² вплоть до
британского Океана

И заставила содрогаться далекую от нашей стороны
Непривычными отголосками войны Фулу?

(Claud. *De bell. Goth.* 201–204)

Так к образу и без того крайней Британии прибавлялось еще одно место, которое могло служить обозначением либо действительно самого края мира, либо заменяло собой остров, упоминание которого прежде использовали в этом значении.

Один из наиболее поэтичных примеров описания Британии как края мира принадлежит Марциалу. В нем он жалуется на то, что хотя его стихи известны в Британии, пользы от этого нет, поскольку это не приносит ему денег, — яркий образ бедности поэта, несмотря на его повсеместную известность, о чем вновь свидетельствует упоминание острова в этом контексте:

Dicitur et nostros cantare Britannia versus.
quid prodest? Nescit sacculus ista meus

И говорят, наши стихи поют в даже Британии.
А какой толк? Об этом не знает кошелечек мой
(Mart. XI.3)

¹¹ Подробнее о самих войнах, см., например: [Kulikowski 2006].

¹² Современный Кадис.

Отношение к Британии здесь напоминает то, что описывал Катулл при создании метафоры в своем тексте, упомянутом ранее. Однако здесь нет уже даже эпитета «крайний / дальний», поскольку и без него понятно, что именно имеется в виду. Говоря о том, что стихи известны в Британии, но пользы для кошелька от этого нет, Марциал выбрал это место, чтобы представить известный «край мира». Более того, в такой контекст довольно просто вписывать дополнительную семантику дикости, что вновь отлично соответствовало бы тому сарказму, с которым Марциал писал эти строки. Ведь в таком случае получается, что его знают не просто у конца света, а еще и варварские племена, которые, кажется, не должны проникаться римской поэзией.

Наконец, в «Буколиках» Вергилий пишет о Британии как об одном из дальних краев, перечисляя все отдаленные земли на востоке и западе:

At nos hinc alii sitientis ibimus Afros,
pars Scythiam et rapidum Cretae veniemus Oaxen
et penitus toto divisos orbe Britannos¹³.

А из нас одни отправятся отсюда к испытывающим
жажду афрам,
Другие придут в Скифию, и к быстрому Оксу,
и к полностью отделенным от всего мира бриттам.
(Verg. *Ecl.* 1.64–66)

Перечисляя бриттов и, следовательно, весь остров в контексте описания разных сторон света, Вергилий подтверждает, что восприятие Британии как западного предела уже стало привычным к середине I в.

К сказанному следует добавить, что описания быта и населения Британии у других авторов также содержат отсылки к образу края мира. Но это проявляется не в виде точных определений, а благодаря тому, какими именно характеристиками авторы наделяют людей, которые ее населяли. Это можно встретить в текстах Цезаря или Тацита, пишущих о дикости бриттов, которая воспринималась как норма для варваров в целом. Цезарь, например, писал об образе жизни, выявляя особенно странные с точки зрения римлян особенности: бритты не занимаются земледелием, а живут на мясе и молоке («*frumenta non serunt, sed lacte et carne vivunt*»), одеты в шкуры («*pellibusque sunt vestiti*»), носят длинные волосы («*capillo promisso*»), делят жен друг с другом («*uxores habent deni duoque inter se communes*») и т. д. (Caes. *BG* V.14). В свою очередь, Тацит говорил об их воинственном нраве, который выделял их даже среди других варваров: «*plus tamen ferociae Britanni praeferunt...*» — «но в бриттах было больше свирепости...» (Tac. *Arg.* 11). Однако с утверждением римской власти на

¹³ Все переводы упускают точное значение слова *Cretae*. Неясно, имеется ли в виду Крит (расположение реки Окс представляет собой отдельный вопрос) или же мел и, следовательно, характеристика почвы. Более подробно о Вергилии и Римской Британии писал Барретт [Barrett 1978].

большей части острова такие стереотипы распространяются на население территорий, прежде находившихся вне сферы влияния империи. Поэтому следует напомнить, что это уже не был совсем неизведанный край земли, а край земли, о котором к тому времени имелись некоторые представления.

Впоследствии упоминаний Британии становится все меньше, а те, что были, не касались вопросов ее местоположения. Единственным примером, который имеет отношение к интересующей нас теме, можно назвать появившееся разделение на «варваров» и «римлян». Оно, в свою очередь, было отмечено сооружением стен Адриана и Антонина — приграничных систем для защиты и контроля над территорией провинции¹⁴. Во многом благодаря их появлению произошла смена границы распространения «варварства»: дикими становились теперь не все бритты, но только те, что проживали за границами империи:

Ergo conversis regio more militibus Britanniam petiit, in qua multa correxerat murumque per octoginta milia passuum primus duxit, qui barbaros Romanosque divideret.

Итак, реорганизовав войско в соответствии с нравами правителя, он устремился в Британию, в которой многое улучшил и первый повелел [построить] стену длиной в 80 миль, чтобы разделить варваров и римлян (SHA, *Hadr.* 11.2).

Nam et Britannos per Lollium Urbicum vicit legatum alio muro caespiticio summotis barbaris ducto.

Бриттов победил под руководством легата Лоллия Убрика, и другая стена из дерна была воздвигнута после того, как варвары были оттеснены (SHA, *Ant. P.* 5.4).

Однако, как и было сказано, большее значение имело уже не положение на краю мира, а другие характеристики, связанные с бытом и культурой этих племен.

* * *

Итак, Британия благодаря своему положению заняла особое место в античной литературе. До прихода римлян она являлась последним пределом, который можно завоевать. Подразумевалось, что победа и захват острова, которых ожидали, как это видно из текстов, например, Горация или Тибулла, были бы для того, кто смог бы это осуществить, одним из наиболее важных свершений: именно в этом случае римляне, как им казалось, овладели бы всеми известными землями в западной части света. Однако когда в середине I в. Британия все же становится одной из римских

¹⁴ Более подробно о стенах см.: [Breeze, Dobson 2000; Hingley 2012; Breeze, Hanson 2020; Symonds 2020] и др.

провинций, мотив «захвата края мира» в текстах никак не акцентируется. Основные темы рассказчиков о событиях связаны с противостоянием бриттов, восстанием Боудикки¹⁵ и затем уже с установлением стен Адриана и Антонина. Кроме того, лишь часть острова оставалась под властью римлян. Такое положение дел сохранялось вплоть до завершения римского владычества и отхода легионов с острова в середине V в. Более того, образ Британии как края мира был в большей степени присущ именно римской поэзии, в то время как у историков и географов мы чаще наблюдаем преобладание политико-исторического контекста. Отсутствие подобной метафоричности приближает поэзию к реальности. Когда поэзия говорит о том, что с захватом Британии Рим захватит и весь мир, проза (и при Цезаре, и после него) игнорирует этот троп и в большей степени рассуждает о глобальных политических процессах и акцентирует внимание на дихотомии «свой/чужой».

Британия долгое время воспринималась как действительный край мира, однако пик упоминаний, связанных с этим восприятием, привязан именно к моменту предполагаемого завоевания. Со временем граница «края мира» сместилась, и в целом политика, направленная на расширение границ империи, превратилась в политику контроля и преобразования подчиненных земель, что также послужило причиной для изменения тем при описании острова. Он оставался отдаленным местом, но уже не обязательно предельным, или по крайней мере не весь. Именно поэтому Британия стала подходящей метафорой для описания края мира, если у античных авторов возникало желание указать на дальность распространения какого бы то ни было феномена или явления (как у Марциала). С приобретением этой земли или хотя бы ее части остров утрачивает значение края мира, и римляне начинают искать его где-то еще.

References

- Barrett, A. A. (1978). Knowledge of the literary classics in Roman Britain. *Britannia*, 9, 307–313. <https://doi.org/10.2307/525945>.
- Breeze, D. J., & Dobson, B. (2000). *Hadrian's Wall*. Penguin UK.
- Breeze, D. J., & Hanson, W. S. (Eds.) (2020). *The Antonine Wall: Papers in honour of Professor Lawrence Keppie*. Archaeopress Publishing.
- Cohen, V. (Ed.). (2021). *Not the classical ideal: Athens and the construction of the other in Greek art*. Brill.
- Cohen, D. (2016). *Boudicca's rebellion against the Roman Empire in 60 AD* (Honors Thesis; Union College — Schenectady, New York). <https://digitalworks.union.edu/theses/135>.
- Dyson, S. L. (1971). Native revolts in the Roman Empire. *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*, 20(2/3), 239–274.

¹⁵ Спустя около 20 лет с момента завоевания Британии императором Клавдием произошло восстание объединенных племен бриттов под предводительством Боудикки, которое занимает большую часть повествования об этих временах в работах Диона Кассия и Тацита. Подробнее о самой Боудикке см., например: [Hingley, Unwin 2006; Cohen 2016; Dyson 1971] и др.

- Ferris, I. (2003). *Enemies of Rome: Barbarians through Roman eyes*. The History Press.
- Fordyce, C. J. (1961). *Catullus. A commentary* [With the text]. Clarendon Press.
- Habinek, T. N. (2001). *The politics of Latin literature: Writing, identity, and empire in ancient Rome*. Princeton Univ. Press.
- Hartog, F. (1988). *The mirror of Herodotus: The representation of the other in the writing of history*. Univ of California Press.
- Hingley, R. (2012). *Hadrian's Wall: A life*. Oxford Univ. Press.
- Hingley, R., & Unwin, C. (2006). *Boudica: Iron age warrior queen*. A&C Black.
- Jensen, E. (2018). *Barbarians in the Greek and Roman world*. Hackett Publishing.
- Kulikowski, M. (2006). *Rome's Gothic Wars: From the third century to Alaric*. Cambridge Univ. Press.
- Nisbet, R. G. M., & Hubbard, M. (1970). *A commentary on Horace: Odes: Book I*. Oxford Univ. Press.
- Peirano, I. (2012). *The rhetoric of the Roman fake: Latin pseudepigrapha in context*. Cambridge Univ. Press.
- Schoonhoven, H. (1983). The 'Panegyricus Messallae': Date and relation with Catalepton 9. De Gruyter. In H. Temporini et al. (Eds.). *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (ANRW) = Rise and decline of the Roman world* (Vol. 30, Pt. 3, pp. 1681–1707). De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110847048-007>.
- Stewart, J. J. (2000). The geographic definition of *ultimus* from Julius Caesar to Domitian. *Acta Classica: Proceedings of the Classical Association of South Africa*, 43(1), 129–137.
- Symonds, M. (2020). *Hadrian's Wall: Creating division*. Bloomsbury Publishing.
- Wijisman, H. J. W. (1998). Thule applied to Britain. *Latomus*, 57(2), 318–323.

* * *

Информация об авторе

Ксения Сергеевна Данилочкина
старший преподаватель, кафедра
всеобщей истории, историко-
филологический факультет, Институт
общественных наук, Российская
академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
✉ danilochkina-ks@ranepa.ru

Information about the author

Kseniya S. Danilochkina
Assistant Professor, Faculty of History
and Philology, Institute of Social Sciences,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
✉ danilochkina-ks@ranepa.ru